

Легенды и сказки Крыма

Легенды Крыма: Эчки-Даг - козья гора (с. Щебетовка, бывшее Отузы)

Али, красавец Али, тебя еще помнит наша деревня, и рассказ о тебе, передаваясь из уст в уста, дошел до дней, когда Яйла услышала гудок автомобиля, и выше ее гор, сильнее птицы, взвился бесстрашный человек. Не знаю, обогнал бы ты их на своем скакуне, но ты мог скорее загнать любимого коня и погубить себя, чем поступиться славой первого джигита.

Быстрее ветра носил горный конь своего хозяина, и завидовала отузская молодежь, глядя, как гарцевал Али, сверкая блестящим набором, и как без промаха бил он любую птицу на лету.

Недаром считался Али первым стрелком на всю долину и никогда не возвращался домой с пустой сумкой. Трепетали дикие козы, когда на вершинах Эчки-Дага, из-за неприступных скал, появлялся Али с карабином на плече. Только ни разу не тронула рука благородного охотника газели, которая кормила дитя. Ибо благородство Али касалось не только человека.

И вот как-то, когда в горах заблеяли молодые козочки, зашел Али в саклю Урмие. Урмие, молодая вдова, уснащавшая себя пряным только лишь для него одного, требовала за это, чтобы он беспрекословно исполнял все ее причуды. Она лукаво посмотрела на Али, как делала всегда, когда хотела попросить что-нибудь исключительное.

— Принеси мне завтра караджа.

— Нельзя. Не время бить коз. Только начали кормить, ведь знаешь, — заметил Али, удивившись странной просьбе.

— А я хочу. Для меня мог бы сделать.

— Не могу.

— Ну, так уходи. О чем нам разговаривать.

Пожал плечами Али, не ожидал этого, повернулся к двери.

— Глупая баба.

— К глупой, зачем ходишь. Сеит-Мемет не говорит так. Не принесешь ты, принесет другой, а караджа будет. Как знаешь!

Вернулся Али домой, прилег и задумался. В лесу рокотал соловей, в виноградниках звенели цикады, по небу бегали одна к другой в гости яркие звезды. Никто не спал, не мог заснуть и Али. Клял Урмие, знал, что дурной, неладный она человек, а тянуло к ней, тянуло, как пчелу на сладкий цветок.

— Не ты, принесет другой.

Неправда, никто не принесет раньше. Али поднялся. Начинало светать. Розовая заря ласкала землю первым поцелуем.

Али ушел в горы по знакомой ему прямой тропе. Близко Эчки-Даг. Уже поднялся ловкий охотник на одну из его вершин, у другой теперь много диких коз, караджа. Нужно пройти Хулах-Иернын — Ухо земли. Так наши татары называют провал между двумя вершинами Эчки-Дага. Глубокий провал с откосной подземной пещерой, конца которой никто не знает. Говорят, доходит пещерная щель до самого сердца земли; будто хочет земля знать, что на ней делается: лучше ли живут люди, чем прежде, или по-прежнему вздорят, жадничают, убивают и себя и других. Подошел Али к провалу и увидел старого, старого старика с длинной белой бородой, такой длинной, что конец уходил в провал.

— Здравствуй, Али, — окликнул его старик, — Что так рано коз стрелять пришел?

— Так, нужно.

— Все равно не убьешь ни одной.

Подошел ближе Али, исчез в провале старик.

— Ты кто будешь?

Не ответил старик, только сорвавшиеся камни полетели в провал; слушал, слушал Али и не мог услышать, где они остановились. Оглянулся на гору. Стоит стройная коза, на него смотрит, уши наставила. Прицелился Али и вдруг видит, что у козы кто-то сидит и доит ее; какая-то женщина, будто знакомая. Точно покойная его сестра. Опустил он быстро карабин, протер глаза. Коза стоит на месте, никого подле нее нет. Прицелился вновь, и опять у козы женщина. Оглянулась даже на Али. Побледнел Али. Узнал мать такой, какой помнил ее в детстве. Покачала головой мать. Опустил Али карабин.

— Аналэ, матушка родная!

Пронеслась по тропинке под скалой пыль. Стоит опять коза одна, не шевелится.

— Сплю я, что ли, — подумал Али, и прицелился в третий раз.

Коза одна, только в двух шагах от нее ягненок. Причудилось, значит, все, и навел Али карабин, чтобы вернее, без промаха, убить животное прямо в сердце. Хотел нажать на курок, как увидел, что коза кормит ребенка, дочку Урмие, которую любил и баловал Али как свою дочь. Задрожал Али, похолодел весь. Чуть не убил маленькую Урмие. Обезумев от ужаса, упал на землю и долго ли лежал не помнил потом. С тех пор исчез из деревни Али. Подумали, что упал со скалы и убили. Долго искали — не нашли. Тогда решили, что попал он в Хулах-Иернын, и нечего искать больше. Так прошло много лет.

Алиева Урмие стала дряхлой старухой, у маленькой Урмие родились дети и внуки; сошли в могилу сверстники джигита, и народившиеся поколения знали о нем только то, что дошло до них из уст отцов и где было столько же правды, сколько и народного вымысла. И вот раз вернулся в деревню хаджи Асан, столетний старик, долгое время остававшийся в священной Мекке. Много рассказал своим Асан, много чудесного, но чудеснее всего было, что Асан сам, своими глазами видел и узнал Али.

В Стамбуле, в монастыре дервишей происходило торжественное служение. Были принцы, много франков и весь пашалык. Забило думбало, заиграли флейты и закружились в экстазе священной пляски-молитвы святые монахи. Но бешенное всех кружился один старик. Как горный вихрь, мелькал он, в глазах восторженных зрителей, унося мысль их от земных помыслов, но силой всего своего существа отдававшийся страсти своего духа. Али, — воскликнул Асан, и, оглянувшись на него, остановившись на мгновение, дервиш снова бешеным порывом ушел в экстаз молитвы.